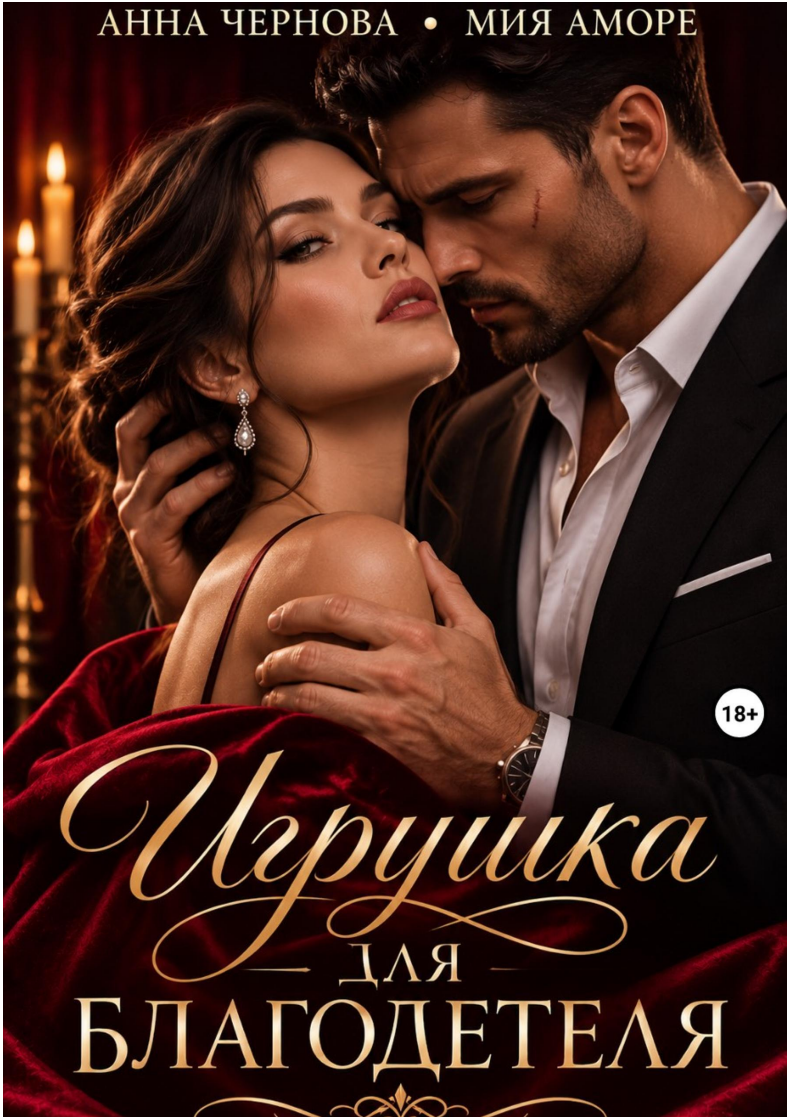
АННА ЧЕРНОВА • МИЯ АМОРЕ
18+
Игрушка
для
БЛАГОДЕТЕЛЯ

Анна Чернова

Игрушка для благодетеля

https://litres.ru/74926319
SelfPub; 2026

Аннотация

— Раздевайся.

— Зачем?

— Считай, что у тебя собеседование.

— На какую должность?

— На должность моей подстилки

Когда я заявила, что готова на любую работу ради шести миллионов, я не ожидала такого.

Но отступать поздно. От меня зависит жизнь родного человека.

Только ни мой жестокий благодетель, ни я не знаем, в какой ад забросит нас обоих эта ситуация. И какую цену каждый из нас заплатит ...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Анна Чернова
Игрушка для благодетеля

Глава 1

— Я готова на всё …

Голос дрожит и срывается на последнем слове. Пока я уговаривала уборщицу Галину Степановну пустить меня в служебный лифт, мне было не до страха. Отчаяние гнало вперёд и не давало думать ни о чём другом. А сейчас створки кабины закрылись у меня за спиной, и вся моя смелость осталась внизу, на первом этаже.

Я стою посреди холла квартиры. Отсюда мне виден мужчина, стоящий у панорамного окна. На нём белая рубашка с закатанными рукавами, в руке стакан с тёмной жидкостью. Он не оборачивается. То ли не услышал мой писк, то ли он на такие вещи не обращает внимания.

Что теперь делать? Я так и стою возле лифта в синем халате Галины Степановны, с ведром и шваброй, которые она сунула мне для правдоподобия.

Квартира огромная и полутёмная, и я вдруг понимаю, какая глупая затея это была. Зря я сюда заявилась. Мне становится так страшно, что кишки завязываются в узел. Оборачиваюсь к лифту в поисках кнопки, но её нет.

Господи! Как теперь отсюда выбраться?

— Кто тебя сюда пустил? – раздаётся вопрос так неожиданно, что внутри всё холодеет.

Мужской голос ледяной.

— Я… сама. Простите… – поворачиваюсь на звук.

Свет от торшера падает сбоку, и его лицо остаётся в тени. Этот человек меня пугает, и я не могу сама себе объяснить, почему.

— Зачем? – следующий вопрос повисает в воздухе, напряжённом до предела.

Мне страшно, но это – единственный и последний шанс. Я должна его использовать, отступать поздно.

— Мне… мне очень нужны деньги.

Ведро оттягивает руку, и я осторожно ставлю его на пол, стараясь не греметь. Руки прячу в карманы халата, чтобы он не видел, как они трясутся.

— Мой муж умирает: опухоль на позвоночнике. В Москве есть хирург, который берётся его оперировать, но клиника частная, нужно шесть миллионов. А по квоте очередь на полтора года. Врачи сказали, что Виталик столько не протянет.

Он молчит. Я торопливо продолжаю, пока меня не выставили за дверь:

— Я везде писала, правда. Отовсюду отказ. Ваш фонд мне тоже отказал. Сегодня утром я была у директора – Рябова… Он даже папку не открыл.

— Значит, были причины, – в его голосе ни капли сострадания.

— Но ведь это человеческая жизнь … — шепчу я и опускаю глаза на свои стоптанные кроссовки, чтобы он не увидел, что я плачу. — И у меня больше не осталось вариантов...

Дома меня ждёт свекровь. Каждый вечер она спрашивает, что я сегодня сделала для её Виталички, и поджимает губы, если ответ ей не нравится. А сам Виталик отворачивается к стене, стоит мне войти в комнату.

«Ты меня уже похоронила, Катя. Только и ждёшь, пока я сдохну».

Будто это не я тяну три работы, чтобы хватало на лекарства. Будто не я переворачиваю его по ночам, чтобы не было пролежней.

Даня перестал приводить домой друзей, а Лиза больше не спрашивает, когда папа встанет. Перед отъездом дочка сунула мне в сумку рисунок: папа стоит на ногах, а рядом мы все держимся за руки. Я так и не решилась его достать, потому что знала, что разревусь прямо в электричке.

Если я вернусь ни с чем, мне лучше вообще не возвращаться.

— Откуда ты?

— Из Торжка.

Лёд в его стакане тихо звякает. Он ставит стакан на стеклянный столик.

— И ты приехала в столицу за деньгами? – в его тоне как будто насмешка. – Думаешь, миллионы здесь на деревьях растут?

— Я всё отработаю, — голос снова садится от стыда и страха. Я ведь не попрошайка! — Всё, что угодно сделаю. Только спасите его, пожалуйста.

— И как ты собираешься отрабатывать?

— Я…я бухгалтер…но могу и другую работу выполнять…

— Бухгалтер мне не нужен, – отрезает мужчина, и моё сердце замирает от отчаяния.

Он не поможет! Боже, с чего я вообще решила, что незнакомому человеку будет не наплевать на мои проблемы?! Дура! Он же может и в полицию меня сдать! Я ведь незаконно проникла в его квартиру!

Господи, ну зачем я всё это затеяла?! Надо было другой фонд поискать?! Или может…да! Надо было продать свою почку! Наверняка, за это большие деньги можно выручить!

Погружённая в свои мысли, пропускаю момент, когда мужчина вдруг направляется ко мне. В тишине огромной квартиры стук его ботинок по мраморному полу кажется оглушительным. С каждым его шагом мне всё сильнее хочется вжаться в стену. Он останавливается совсем близко. Аромат дорогого парфюма щекочет ноздри и вызывает ещё большее ощущение опасности.

Он высокий и крепкий. Я едва достаю ему до плеча и чувствую себя рядом с ним букашкой, которую можно раздавить и не заметить.

— Ты сказала, что готова на всё, – повторяет он мои слова.

Меня бросает в жар. Накрывает ощущение, что сейчас совершенно точно случится нечто ужасное. Осмеливаюсь поднять взгляд на него.

Он достаточно молод, всего на несколько лет старше меня. Темные волосы, голубые глаза под густыми бровями, ровный крупный нос, еле заметный шрам возле левого виска. Невольно задерживаюсь на миллисекунду дольше на тонкой белой полоске и тут же чувствую тяжёлый ледяной взгляд.

В нём ни капли жалости. От такого человека можно ждать чего угодно, и от этой мысли мне становится по-настоящему страшно. Но тут же вспоминаю рисунок дочки, где папа стоит на ногах.

— Да… — выдыхаю я еле слышно.

Он отходит к столу и берёт телефон.

— Операцию твоему мужу оплатят.

Сначала я даже не понимаю, что он сказал. Потом до меня доходит, и глаза наполняются слезами. Виталик будет жить. Даня снова начнёт звать друзей, а Лизе больше не придётся рисовать папу на ногах, потому что она увидит это сама.

— Спасибо… Господи, спасибо вам!

Он кладёт телефон обратно на стол и смотрит на меня всё тем же холодным взглядом.

— Раздевайся…

Глава 2

— Раздевайся, – велит мужчина.

— Что?.. — мне кажется, что я ослышалась. — Зачем?

— Считай, что у тебя собеседование, – в его голосе ни капли шутки.

— Н-на какую должность? — спрашиваю я шёпотом.

— На должность моей подстилки.

Он произносит это так же ровно, как минуту назад говорил про операцию. От шока меня качает, и я делаю шаг назад, чтобы удержать равновесие, и задеваю ведро. Оно с грохотом опрокидывается и катится по паркету, а он даже не смотрит вниз.

Я такого не ожидала. Почему? Зачем?

Вопросы вспыхивают в голове и остаются без ответа.

Этот мужчина красив и богат. У него совершенно точно нет недостатка в женщинах, готовых его ублажить любыми способами. Почему он предлагает это мне?

Я трезво оцениваю свою внешность, хотя мне не раз говорили комплименты. Да, длинные каштановые волосы и миловидное лицо с голубыми глазами немного сглаживают впечатление от угловатой и излишне худой фигуры, но не могут превратить меня в красавицу. Особенно после двоих детей и болезни мужа.

Причина странного предложения этого мужчины только

одна: он псих или извращенец.

— А если я откажусь? – в ужасе выдавливаю я.

— Тогда проваливай отсюда, – он разворачивается и идёт за своим стаканом. Делает глоток и опускается в кресло.

Горло перехватывает, и следующий вопрос я выдавливаю с трудом:

— Как я могу быть уверена, что вы меня не обманете?

— Никак, – бросает он равнодушно. — Считаю до десяти. Или раздеваешься, или проваливаешь отсюда.

— Раз. Два.

Он считает ровно, как будто отмеряет секунды на кухонном таймере.

Пять шагов, и я свободна. Нет, не так: я могу уйти, меня не удерживают насильно. Только свобода эта означает, что Виталик не доживёт даже до своего следующего дня рождения.

— Три.

Мои дети останутся без отца…

— Четыре.

Свекровь со свету сживёт за то, что я не расшиблась в лепёшку и не спасла её сына…

— Пять…

И самое страшное: моё собственное чувство вины сведёт или в могилу, или в психушку, а потом всё равно в могилу. Один раз я уже смалодушничала, не сделала всего, что могла, не спасла…

— Шесть.

Пальцы сами находят пуговицы на рабочем халате. Они не слушаются, соскальзывают, и я вожусь с каждой целую вечность. Серая униформа падает к ногам. Под ней мои старые джинсы и выцветший свитер, который я ношу уже третью зиму.

— Семь.

Спускаю джинсы и переступаю через них, стягиваю свитер через голову и обхватываю себя руками. Мне стыдно за простой хлопковый лифчик и дешёвые трусы в цветочек. В памяти всплывает издёвка и отвращение в глазах Виталика, когда я как-то попыталась выглядеть для него сексуальной и купила недорогой комплект белья. Муж сказал, что "суповой набор" хоть во что наряди, у мужика не встанет.

На счёт «девять» дрожу так, что стучат зубы.

— Белье тоже, – отдаёт мужчина безжалостный приказ. — Десять.

Зажмуриваюсь и стягиваю с себя трусики и бюстгальтер. Кожа моя мгновенно покрывается мурашками, а соски твердеют. И я не знаю, это от того, что в комнате прохладно, или от ужаса. Скорее всего, от всего вместе.

Сейчас он подойдёт и толкнёт меня на этот огромный диван. Главное не кричать и потерпеть, и думать только про операцию.

Шаги приближаются, и я задерживаю дыхание.

— Иди за мной.

Открываю глаза. Он уже удаляется по коридору и не оглядывается, чтобы проверить, послушалась ли я. Плетусь следом босиком по мраморному полу, прикрываясь руками.

Спальня такая же огромная и пустая, как вся квартира. Широкая кровать, тумбочка у изголовья и кресло у окна. Он садится на край кровати спиной ко мне и расстёгивает рубашку.

Боже…мне сейчас придётся…

— Разомни мне плечи, – его новый приказ заставляет меня застыть в недоумении.

Может, это какая-то игра? Может, сначала так, а потом…

— Я не люблю повторять.

Забираюсь на кровать позади мужчины. Плечи у него широкие и твёрдые, будто каменные. Робко дотрагиваюсь до горячей кожи и начинаю массировать, как когда-то разминала Виталику, ещё до болезни. Каждую секунду я жду, что он развернётся и повалит меня на спину, и от этого ожидания сводит живот. Пальцы быстро устают, но остановиться я боюсь. Он сидит неподвижно, только иногда чуть поворачивает шею.

Временами моя обнажённая грудь трётся о его спину, и к моему ужасу соски снова твердеют. Только бы он не заметил. Иначе решит, что я… хочу его.

Не знаю, сколько проходит времени. Наконец он встает, скидывая мои руки.

— Хватит. Ложись.

Ну вот и всё. Я ложусь на самый край кровати, натягиваю одеяло чуть ли не до носа и сжимаюсь в комок. Слышу, как шуршит его одежда и как прогибается матрас под его весом. Щёлкает выключатель, комната погружается в темноту.

Я жду минуту, потом ещё пять. Сбоку раздаётся ровное глубокое дыхание, и до меня не сразу доходит, что он спит.

Так и лежу до утра с открытыми глазами. Боюсь пошевелиться, боюсь, что он проснётся и сделает со мной…

Думаю о детях, которые наверняка уснули у бабушки под мультики, и о Виталике. Что бы он сказал, если бы увидел меня сейчас голой в чужой постели рядом с посторонним мужчиной?

Господи, до чего я докатилась!

Глаза закрываются сами, когда за окном уже начинает сереть.

Просыпаюсь от яркого света. В комнате никого нет. Я резко сажусь, натягивая одеяло до подбородка.

На тумбочке лежит пачка пятитысячных купюр в банковской упаковке.

Меня обдаёт жаром. Я смотрю на эти деньги, и к горлу подкатывает тошнота. Значит, он всё-таки… Пока я спала? Лихорадочно прислушиваюсь к себе и ничего не могу понять. Да и какая теперь разница! Мне заплатили, как девке с трассы.

А операция? Он наверняка и не собирался ничего оплачивать. Поиграл с дурой из провинции и откупился.

Моя одежда аккуратно сложена на кресле, хотя я точно помню, что бросила всё в гостиной. Натягиваю джинсы, путаюсь в рукавах свитера, руки трясутся так, что не сразу получается завязать шнурки на кроссовках. Деньги не трогаю. Пусть подавится ими!

Вылетаю из спальни и едва не врезаюсь в него.

Мужчина стоит в коридоре в тёмном костюме, свежевыбритый, будто и не ложился. Смотрит на меня сверху вниз, и по его лицу невозможно понять ровным счётом ничего.

— Садись завтракать, — кивает он в сторону кухни.

— Я… мне нужно…

— Иди.

И я плетусь в указанном направлении и там опускаюсь на стул, потому что ноги всё равно не держат. Через минуту появляется полная женщина в белом фартуке и молча ставит передо мной тарелку с сырниками и чашку кофе. Перед ним то же самое.

— Спасибо, Люда, – благодарит он.

Кухарка уходит, а он спокойно берёт вилку. Я смотрю на сырники и не могу заставить себя притронуться к еде.

— Вы…мы ночью… — голос не слушается. — Деньги на тумбочке, это за что?

Он поднимает на меня глаза, и я тут же опускаю свои.

— Если бы ночью что-то было,ты бы запомнила.

Щёки горят огнём, но плечи сами собой опускаются. Я обхватываю горячую чашку обеими руками, чтобы хоть немно-

го согреться.

— Дети есть? — спрашивает он, отрезая кусок сырника.

— Двое. Сын и дочка.

— Деньги на тумбочке для них. У тебя сутки, чтобы уладить дела дома. Завтра в восемь утра за тобой приедет машина, будь готова.

— А операция?

— Из клиники тебе позвонят.

— Куда меня повезут? — спрашиваю я почти шёпотом.

— Туда, где ты будешь мне нужна, Катерина.

Он допивает кофе, встаёт и уходит.

Сижу над остывшими сырниками и смотрю ему вслед, пока вдруг не понимаю, что меня так зацепило в его последней фразе.

Я ведь не называла ему своего имени…

Глава 3

Всю дорогу до Торжка я не выпускаю сумку из рук. Внутри лежит пачка пятитысячных, которую я пересчитала в вокзальном туалете трясущимися руками. Пятьсот тысяч. Таких денег я в руках не держала, даже когда мы с Виталиком продавали его машину.

Смартфон лежит у меня на коленях экраном вверх. Он сказал, что из клиники позвонят. Уже первый час, а телефон молчит. Каждый раз, когда электричка ныряет в зону без связи, у меня холодеют пальцы.

Не выдерживаю и набираю клинику сама.

— Смолин Виталий Сергеевич? — девушка на том конце долго щёлкает клавишами. — Нет, оплата по нему не поступала. Документы ваши у нас есть, но без оплаты госпитализацию назначить не можем.

Я благодарю и отключаюсь. Может, деньги ещё не дошли? Может, такие суммы идут по нескольку дней? А может, этот страшный человек просто поиграл со мной, и пачка в сумке и есть цена моему унижению.

Только выбора у меня всё равно нет. Если завтра я не сяду в его машину, денег на операцию не будет точно.

Дома с порога на меня налетает Лиза и виснет на шее, как обезьянка. Следом выходит Даня. Ему тринадцать, и обниматься с мамой он теперь стесняется. Но сегодня он утыка-

ется мне в плечо и долго не отпускает.

— Мам, ты чего так долго? – ворчит он.

— Дела были, сынок.

Я целую Лизу в макушку, глажу Даню по жёстким вихрам и никак не могу их отпустить. Завтра я снова уеду, и неизвестно, когда увижу их в следующий раз.

— Явилась, — свекровь стоит в дверях кухни и вытирает руки полотенцем. — Двое суток где-то шлялась. Я уж думала, ты от нас сбежала.

— Я была в Москве, Валентина Петровна. Я же вам говорила, куда еду.

— Говорила она! А что ты там делала, позволь спросить? Опять под кабинетами сидела? Много высидела? – в голосе свекрови одно разочарование и осуждение.

Я молча снимаю куртку. Правду сказать я не могу, а врать с порога нет сил.

Виталик лежит в спальне, как всегда, лицом к стене. Когда я вхожу, он даже не поворачивает головы.

— Мама сказала, ты опять в Москву каталась, – насмешливо сообщает муж .

— Я ездила в Фонд, — сажусь на край кровати и беру его за руку. Рука вялая и холодная. — Виталь, послушай…

— Нагулялась? — он выдёргивает руку. — Я тут лежу обездвиженный, а ты по столицам разъезжаешь. Ты хоть понимаешь, каково мне? Хотя куда тебе понимать. Ты ведь только и ждёшь, когда я подохну.

— Я решу вопрос с операцией, Виталь. Обещаю! Скоро всё решится.

— Решит она, — хмыкает он в стену. — Два года обещаешь и всё без толку.

Слёзы подступают к горлу, и я отворачиваюсь, чтобы он их не увидел. Взгляд падает на тумбочку. Рядом с упаковками таблеток лежит новенький телефон в золотистом корпусе, такие я видела только на рекламном щите у вокзала. Его старый, с треснутым экраном, валяется на подоконнике.

Откуда? Хочу спросить, но в комнату заглядывает Лиза и тащит меня смотреть пятёрку в дневнике. Вопрос вылетает у меня из головы.

Вечером я укладываю детей и долго сижу на краю кровати Лизы. Дочка спит в обнимку с плюшевым зайцем. Даня у другой стены делает вид, что спит, а сам читает под одеялом с фонариком книжку. Я смотрю на них и понимаю, что не смогу. Не смогу уехать к этому страшному человеку и стать его…

Даже про себя я не могу выговорить это слово. А если он вообще не собирается платить? Если я отдам ему себя, а клиника так и не дождётся денег? Позвоню утром и скажу, что передумала. Найду другой выход, возьму ещё одну подработку.

В конце концов, идея с почкой может и не так плоха…

На кухне свекровь гремит посудой.

— Садись, раз пришла, — кивает она на табуретку. — По-

говорить надо.

Она наливает себе чай, а мне не предлагает.

— Я вот смотрю на тебя, Катя, и диву даюсь. Муж помирает, а ты сидишь сложа руки. Другая бы на твоём месте колени стёрла, а место на операцию выбила. Или денег нашла! Кредит бы взяла или к депутату на приём прорвалась. А ты съездила в Москву, погуляла и вернулась ни с чем. Неблагодарная ты. И лентяйка, каких поискать.

Я смотрю на её поджатые губы, и мои сомнения тают одно за другим. В одном она права: Виталику никто, кроме меня, не поможет. Даже если придётся рискнуть всем.

— Я нашла работу, — подбираю слова, стараясь, чтобы голос не дрожал. — В Москве, в фирме. Платят очень хорошо, мне даже дали аванс.

Я кладу на стол пачку денег. Свекровь смотрит на неё, потом на меня, и глаза у неё становятся узкими-узкими.

— Это что же за работа такая, где провинциальной бухгалтерше пачками платят?

— Обычная работа. Помощница руководителя.

— Помощница, значит. И когда выходить? – она всё ещё недоверчиво на меня смотрит.

— Завтра утром уезжаю.

— Ну конечно! — она недовольно поджимает губы. — А почему удалённо работать нельзя, сейчас все так делают. Но нет, тебе же в Москву приспичило! А лежачего мужа и детей на меня спихнуть. Мне шестьдесят пять лет, у меня давле-

ние, а я должна…

— Хватит! — я сама не узнаю свой голос. — Хватит, Валентина Петровна! Я два года тяну семью на себе. Работаю на трёх работах, а по ночам за сыном вашим ухаживаю! Вы хоть раз спросили, когда я в последний раз спала больше пяти часов? Я еду зарабатывать ему на операцию, а вы вместо спасибо поливаете меня грязью!

Свекровь со стуком ставит чашку на стол, и чай выплёскивается на клеёнку.

— Ты смотри, устала она! За своим мужем ухаживать — святой долг женщины! Он тебя, оборванку детдомовскую, с улицы взял, в семью к нам привёл! Спать она хочет. Смотрите, цаца какая! Постыдилась бы рот открывать! Спасибо ей надо! – свекровь даже не пытается понизить тон, чтобы никого не разбудить. Её лицо краснеет от злости.

А каждое слово бьёт наотмашь. Все годы, что я ношу фамилию Смолина, я слышу про детдом, стоит мне хоть в чём-то ей возразить. Четырнадцать лет я стараюсь быть хорошей невесткой, чтобы она наконец перестала мне это припоминать. Но увы, тщетно.

Выхожу из кухни, не сказав больше ни слова. В коридоре стоит Даня в пижаме и смотрит на меня круглыми глазами. Значит, слышал всё.

— Иди спать, сынок, — глажу его по плечу. — Бабушка просто устала и нервничает.

Он кивает, но не уходит, пока я не закрываю за собой

дверь ванной. Там я включаю воду погромче и реву в полотенце, чтобы никто не услышал.

Утром первым делом хватаю телефон. Из клиники так никто и не позвонил.

Бужу детей пораньше, чтобы успеть наобниматься с ними перед отъездом.

— Я скоро вернусь, — целую их по очереди и сама еле сдерживаю слёзы. — Папе сделают операцию, и всё у нас будет хорошо. Обещаю.

— Мамочка, ты не обманываешь? — всхлипывает Лиза. — Ты ведь нас не бросаешь?

— Разве я тебя когда-нибудь обманывала?

Из спальни Виталика не доносится ни звука. Я почти всю ночь пролежала на своей тахте в его комнате, прислушиваясь в его дыханию. А утром он сделал вид, что спит.

Без пяти восемь под окнами останавливается чёрная машина с московскими номерами. Я замечаю ее из кухни. Беру сумку и иду обуваться. Свекровь стоит в дверях кухни, скрестив руки на груди, и смотрит, как я завязываю шнурки.

Открываю входную дверь и переступаю порог, когда за спиной раздаётся её тихий голос, пропитанный ядом:

— Шлюха!

Глава 4

— Телефон, пожалуйста.

Я смотрю на протянутую ладонь и крепче прижимаю сумку к животу.

— Зачем?

— Проверка, Екатерина Андреевна.

Мужчина в чёрном костюме произносит это так буднично, будто просит показать билет в электричке.

Мы стоим в прихожей шикарной квартиры. Пять минут назад меня привезли сюда на чёрной машине, провели через охраняемый двор и подняли на десятый этаж. Всю дорогу водитель не проронил почти ни слова.

— Какая проверка?

— Стандартная. Телефон вернём.

— А если мне дети позвонят?

— Вы сможете им ответить.

Отдаю ему телефон. Мужчина нажимает на экран и смотрит на меня.

— Пароль.

У меня пересыхает во рту.

— Там личное.

— Я могу просто взломать, – пожимает плечами здоровяк.

— Один-один-ноль-ноль.

— Располагайтесь. Меня зовут Сергей. Если что-то пона-

добится, звоните по внутреннему номеру.

Он указывает на аппарат возле двери и выходит.

Я остаюсь одна.

Квартира большая и светлая. Из гостиной открывается вид на Москву, которую я почти не знаю. Мягкий диван, стеклянный столик, кухня с блестящей техникой. Всё дорогое, новое, без единой лишней вещи.

На столе стоит ваза с белыми цветами.

Я подхожу ближе и трогаю лепесток. Настоящие.

Интересно, кто здесь жил до меня?

В спальне нахожу огромную кровать, застеленную белоснежным покрывалом. На прикроватной тумбочке — бутылка воды и стакан. В шкафу висят платья, блузки, брюки. На нижней полке стоят туфли.

Я снимаю с вешалки первое попавшееся платье и смотрю на размер: мой.

Возвращаю вешалку на место со странным чувством тревоги.

В ванной на полках расставлены баночки с кремами, шампуни, дорогие духи. Рядом лежат новые зубная щётка и расчёска.

Всё приготовлено. Даже бельё в комоде!

Я захлопываю ящик.

Зачем ему всё это? Почему нельзя было просто поселить меня в гостинице? И что он вообще собирается со мной делать?

Вчера я стояла перед ним голая, уверенная, что сейчас он воспользуется мной. А он заставил разминать ему плечи и уснул.

Может, ему нравится издеваться над женщинами? Смотреть, как они боятся?

От этой мысли меня внутренности скручиваются в узел. Возвращаюсь в гостиную и подхожу к входной двери. Осторожно нажимаю на ручку. В коридоре возле лифта стоит Сергей.

— Вы что-то хотели, Екатерина Андреевна?

— Я хотела выйти.

— Куда?

— Просто пройтись в магазин.

— Составьте список. Всё привезут, – равнодушно говорит охранник.

— А если я захочу домой?

— Такие вопросы решайте с Матвеем Александровичем.

— Кто это?

— Хозяин.

Я закрываю дверь и облокачиваюсь спиной.

Хозяин.

Значит, того страшного человека зовут Матвей. И он теперь мой хозяин…

Телефон возвращают через полчаса. Первым делом звоню детям. Лиза рассказывает, что Даня не дал ей свой планшет, а бабушка заставила доедать кашу. Я слушаю её болтовню и

стараюсь не плакать.

Потом звоню в клинику. Деньги так и не поступили.

Сажусь на диван и долго смотрю на экран погасшего телефона.

А ведь я даже не знаю, кто этот Матвей Александрович. Где работает, чем занимается, откуда у него столько денег.

И почему директор благотворительного фонда боится его до дрожи.

Вспоминаю приёмную Рябова.

В то утро я просидела в приёмной фонда почти три часа. Секретарша несколько раз предлагала мне прийти в другой раз, а я упрямо мотала головой. Наконец меня пустили к директору. Эдуард Рябов оказался холёным мужчиной в очках с золотой оправой. Он выслушал меня, не отрываясь от телефона, и даже не открыл папку, которую я положила ему на стол.

— Ваш случай не в профиле фонда, — он подвинул папку обратно ко мне. — Всего доброго.

Я вышла из кабинета, спустилась вниз и просидела там на жесткой скамье, тихо рыдая. Там меня и нашла Галина Степановна, уборщица.

Не знаю, почему, но она прониклась к моему горю и шепнула, что Рябов не главный. И что мне нужно к настоящему хозяину попасть, чьё имя нигде не значится. Она же и помогла пробраться к нему в пентхаус под видом клинига.

— И не вздумай кому-нибудь рассказывать, что я тебе по-

могла, — предупредила она. — Мне ещё жить хочется.

Я тогда решила, что она преувеличивает. Сейчас уже не уверена…

Время тянется мучительно медленно. Я пытаюсь смотреть телевизор, но не могу сосредоточиться. Переключаю каналы, пока не попадаю на новости.

На экране какой-то важный мужчина выступает перед журналистами. Говорит о новых назначениях, о перестановках в руководстве. Внизу бегут фамилии, которых я никогда не слышала. Выключаю телевизор.

На кухне готовлю себе чай. В холодильнике полно еды, но аппетита нет.

В половине шестого снова звоню в клинику. Ответ тот же: оплаты нет. Я уже не знаю, что думать.

Может, он и не собирается платить? Может, вчера просто забавлялся, глядя, как я раздеваюсь перед ним?

Но зачем тогда привёз сюда?

В шесть часов звонит свекровь.

— Ну что, устроилась?

— Да, Валентина Петровна.

— А деньги где?

— Какие деньги?

— На операцию! Ты обещала, что всё решишь!

— Я занимаюсь этим.

— Занимается она! Виталик сегодня совсем плохой. А ты там прохлаждаешься! И денег, которые оставила, их только

на две недели хватит. Коммуналку-то год почти не платили. Там пени набежали. Завтра пойду в РКЦ, потом за продуктами и всё - тю-тю твоей пачке. Лекарства новые выписали, дорогущие. И дети твои – настоящие проглоты. Все в мать – голодранку.

Я закрываю глаза, стараясь не сорваться на крик.

— Я завтра ещё раз позвоню в клинику.

— Ты лучше не звони, а делай что-нибудь!

Она бросает трубку.

Я сижу за кухонным столом, прижимая телефон к груди и стараясь не разреветься от обиды.

В восемь вечера раздаётся щелчок замка.

Я вздрагиваю и поднимаюсь с дивана.

В прихожую входит Матвей Александрович. На нём тёмный костюм, белая рубашка, на лице всё то же холодное выражение. Он снимает пальто и протягивает его Сергею, который появляется следом.

— Свободен.

Дверь закрывается. Мы остаёмся вдвоём.

Я стою возле дивана, не зная, куда деть руки. Он окидывает меня коротким взглядом.

— Добрый вечер, — выдавливаю я.

Он не отвечает. Кладёт телефон на стол, скидывает пиджак и стягивает галстук.

Я делаю шаг навстречу.

— Матвей Александрович… Я звонила в клинику. Деньги

за операцию так и не поступили.

Он поворачивается ко мне, несколько секунд молча смотрит нечитаемым взглядом, а потом приказывает:

— Разденься.

Глава 5

Я стою посреди гостиной и не могу пошевелиться. Внутри ещё теплится глупая надежда, что сегодня всё будет как вчера. Он велит размять ему плечи, отвернётся и уснёт.

— Я не люблю повторять свои приказы, – произносит он, а у меня поджилки трясутся.

Пальцы плохо слушаются. Я расстёгиваю блузку, которую утром взяла из шкафа, и чувствую, как горят щёки. Он стоит в трёх шагах и смотрит на меня так, как смотрят на товар, проверяя, не подсунули ли брак.

Когда на мне ничего не остаётся, он подходит и берёт меня за подбородок. Пальцы у него сухие и холодные.

— Смотри на меня.

Я поднимаю глаза. В его взгляде нет ни желания, ни злости. Он разглядывает меня долго и внимательно, и мне хочется провалиться сквозь пол прямо к соседям на девятый этаж.

— Сколько лет ты замужем?

Вопрос такой неожиданный, что я не сразу понимаю, о чём он.

— Четырнадцать.

— И все четырнадцать лет была ему верна?

— Да, — я вскидываю подбородок, хотя стою перед ним совершенно голая. — Я никогда не изменяла мужу.

Он хмыкает, и в этом коротком звуке столько презрения, что мне становится ещё холоднее.

— До сегодняшней ночи.

Он отпускает мой подбородок и направляется в спальню. Я иду следом, как на казнь.

Я была уверена, что он будет грубым. Что сделает больно и заставит унижаться. Но ничего из того, чего я боялась, он не делает. Он просто берёт то, за что заплатил, молча и без единого ласкового слова.

Я чувствую в себе его член, над ухом – хриплое мужское дыхание, по тому, как оно учащается, понимаю, что он скоро кончит.

Хорошо хоть, хозяин не требует, чтобы я изображала удовольствие.

Я смотрю в потолок и стараюсь думать о Виталике. О том, как он встанет после операции и Лиза снова будет визжать, когда папа подбросит её к потолку.

Когда Матвей достигает пика, он встаёт и уходит в душ, даже не взглянув на меня. Я слышу, как шумит вода. Натягиваю одеяло до самого подбородка и реву беззвучно, уткнувшись в подушку, чтобы он не услышал.

Ненавижу его! А себя ненавижу ещё сильнее.

Когда он возвращается, я притворяюсь спящей. Он ложится на другой край кровати, и через несколько минут его дыхание становится ровным. Для него этой ночью ничего особенного не случилось.

А я ощущаю себя грязной шлюхой…

Утром меня будит звонок. Я хватаю телефон с тумбочки и не сразу понимаю, где нахожусь. Вторая половина кровати пустая.

— Екатерина Андреевна? Вас беспокоят из клиники. Оплата за лечение вашего мужа поступила в полном объёме. Госпитализация через десять дней, список анализов я вам отправила.

— Спасибо, — шепчу я. — Спасибо вам огромное.

Отключаюсь и сижу на кровати, обхватив колени руками. Надо бы радоваться. Виталика прооперируют, он встанет на ноги, и всё у нас наладится. А мне хочется выть.

Деньги пришли утром, сразу после того, как я отработала свою первую ночь. Он заплатил, и этой ночью я подписала договор собственным телом.

Я звоню свекрови. Она берёт трубку не сразу, а когда слышит новость, долго молчит.

— Ну наконец-то, — цедит она. — Хоть на что-то сгодилась. Виталику сама скажу, а то ты опять всё перепутаешь.

И бросает трубку. Ни «спасибо», ни «как ты там».

Я умываюсь холодной водой, чтобы не было видно опухших глаз, и выхожу из спальни. В квартире тихо. Думаю, что он уже уехал, и иду на кухню. Дверь в кабинет в конце коридора приоткрыта, и оттуда доносится его голос.

— Звягинцев своё отработал. Чтобы к утру его не было.

Он не повышает голоса, а у меня всё равно стынет кровь.

Я застываю посреди коридора и боюсь сделать шаг, чтобы не скрипнул паркет.

Дверь открывается. Матвей выходит, на ходу убирая телефон в карман пиджака, и останавливается, увидев меня.

— Подслушиваешь?

— Нет! Я… я на кухню шла.

Он смотрит на меня несколько бесконечных секунд.

— Из этих стен никогда не выходит информация. Просто запомни это.

Он проходит мимо, и через минуту за ним закрывается входная дверь.

На кухне хлопочет полная женщина в белом фартуке. Я узнаю её, это она подавала нам сырники в то первое утро в пентхаусе. На столе уже стоит тарелка с омлетом и чашка кофе.

— Доброе утро, — улыбается она. — Я Люда. Матвей Александрович велел, чтобы вы позавтракали.

— Спасибо. А вы… давно у него работаете?

— Шестой год, — Люда ставит передо мной сахарницу. — Вы ешьте, ешьте. Худенькая совсем.

— Люда, а кто он? — вопрос вырывается сам, и я тут же жалею об этом.

Улыбка сходит с её лица. Она вытирает руки полотенцем и оглядывается на дверь.

— Вы ему лучше вопросов не задавайте, — тихо советует она. — И другим тоже. Здоровее будете.

Больше она со мной не разговаривает, только молча убирает посуду и уходит.

Весь день я хожу по квартире из угла в угол. Пробую читать, но буквы расплываются. Днём звонит Даня, и голос у него взрослый, серьёзный.

— Мам, бабушка сказала, что папе операцию оплатили. Это ты, да?

— Я, сынок.

— Ты у нас крутая, — он на секунду замолкает. — Мам, а ты когда вернёшься?

— Скоро, Даня. Очень скоро.

Я кладу трубку и ещё долго сижу, прижав телефон к груди. Мой сын гордится мной. Если бы он только знал, как именно его мать заработала эти деньги.

Вечером я включаю телевизор, просто чтобы не было так тихо. Идут новости, и я уже тянусь за пультом, когда диктор называет знакомую фамилию.

— Заместитель министра Звягинцев сегодня подал в отставку по собственному желанию. По неофициальным данным, бывший чиновник уже покинул страну.

На экране мелькает фотография полного мужчины с усталым лицом. Я смотрю на него и чувствую, как немеют пальцы, сжимающие пульт.

Я – игрушка человека, по одному слову которого исчезают замминистры.

Боже, во что я вляпалась?..

Глава 6

Всю ночь я толком не сплю, вскакивая от каждого шороха. Я жду хозяина, но он не приезжает.

А утром, едва я заливаю в себя чашку кофе, в квартире появляется стройная женщина.

— Это Алла – она будет вами заниматься, – сообщает Сергей. — Матвей Александрович распорядился. Собирайтесь, вас ждут в салоне.

— В каком салоне? Зачем? – спрашиваю я.

Сергей пожимает плечами и смотрит на часы. Объяснять что-то мне здесь никто не собирается.

Алла обходит меня по кругу, как лошадь на ярмарке. Трогает мои волосы, поднимает мою руку и разглядывает ногти, которые я сама подстригаю маникюрными ножницами.

— Работы много, — вздыхает она. — Ну ничего, к вечеру сделаем. Что вы так на меня смотрите? Я не кусаюсь.

— Я просто не понимаю, зачем всё это, – вздыхаю я.

— А вам и не надо понимать, — Алла неодобрительно цокает. — Вам просто нужно шикарно выглядеть. Остальное не наша забота.

В салоне меня передают из рук в руки, как посылку на почте. Косметолог мажет лицо чем-то холодным и щиплющим, мастер по маникюру отпаривает мои руки и тяжело вздыхает. Как впрочем и парикмахер. И я не удивляюсь: последний

раз я была в парикмахерской перед выпускным Дани в начальной школе, и стригли меня тогда за триста рублей.

— Может, не так коротко? — робко прошу я, когда парикмахер берётся за ножницы.

— Я лучше знаю, — отвечает она и даже не смотрит в мою сторону.

Но самое ужасное – это эпиляция. Сгораю от стыда, когда девушка в белом халате деловито намазывает горячий воск и рывком сдирает полоски, делая мне "глубокое бикини". Слёзы сами текут из глаз, и не только от боли. Никто не спросил, хочу ли я этого. Из меня просто делают вещь, подходящую хозяину.

Но с другой стороны, я ведь сама сказал, что готова на всё. Чего теперь жаловаться?

К вечеру я не узнаю себя в зеркале. Волосы лежат мягкими волнами, кожа сияет, на ногтях нежный бежевый лак. Красивая и чужая женщина смотрит на меня из зеркала испуганными глазами.

— Вот, совсем другое дело, — довольно кивает Алла. — Завтра приеду, поработаем с гардеробом. Половину того, что в шкафу, вы носить не умеете.

Дома Сергей протягивает мне банковскую карту.

— На расходы.

Я долго верчу её в руках. Меня не выпускают из квартиры, свекрови я оставила крупную сумму. Для чего мне карта? Да и тратить деньги Матвея Александровича я не хочу.

Кладу карту на столик в гостиной так, чтобы Матвей обязательно увидел ее.

Вечером звонит Лиза и хнычет, что Даня опять не даёт ей свой планшет, а у неё задание по английскому. Я обещаю что-нибудь придумать и звоню сверкови.

— Купите Лизе планшет недорогой, ей для учёбы нужно, – прошу я.

— На какие шиши я его куплю? Ты думаешь, дети твои воздухом питаются? Что такое сейчас пятьсот тыщ? Оставила подачку и теперь считаешь, что её на десять лет хватит? Нужен планшет твоей девке, так сама и купи! – Валентина Петровна бросает трубку, а я не могу сдержать слёз от обиды.

Не замечаю, как засыпаю в кресле гостиной. Просыпаюсь от какого-то звука и понимаю, что укрыта пледом.

Матвей Александрович приехал? Или это Люда меня укрыла?

На цыпочках иду в спальню, но там никого, лишь мужская рубашка лежит на постели.

Он приезжал ночью, но не получил того, что купил. В груди колет страх. Что если он отменит оплату?

Набираю номер клиники, но тут же сбрасываю. Сейчас даже шести утра нет. Никто мне ничего не скажет.

Кое-как дожидаюсь восьми часов и снова звоню в регистратуру.

— Госпитализация Смолина на пятницу, – сообщают мне.

А через несколько часов звонит свекровь, и голос у неё

непривычно растерянный.

— Катя, тут курьер приезжал. Два планшета привёз, ноутбук Дане и целую коробку с вещами для детей. Говорит, подарок от фонда для семей подопечных. Это что, твой фонд так всем дарит?

— Наверное, — выдавливаю я.

Я никому не говорила про планшет. Только Лизе по телефону, в этой квартире…

Вечером Матвей Александрович приезжает не один. С ним мужчина лет пятидесяти, полный, с мокрыми от пота висками. Они проходят в кабинет, а я сижу в спальне и стараюсь не слушать. Но дверь кабинета приоткрыта, и голоса доносятся до меня обрывками.

— Матвей Александрович, я всё исправлю! Дайте мне только месяц, я клянусь…

— Месяц у тебя был. Ты им распорядился по-своему.

— У меня семья, дети…

— Об этом надо было думать раньше.

Голос Матвея Александровича ровный и спокойный, будто он обсуждает погоду. Минут через пять дверь кабинета открывается. Мужчина выходит серый, как старая простыня, и Сергей придерживает его под локоть, потому что сам он идёт с трудом.

Я смотрю ему вслед, и меня охватывает такая злость, что даже страх перед жестоким хозяином отступает. Ведь ещё недавно я сама стояла перед ним, готовая унижаться ради

спасения мужа. А если завтра кому-нибудь вздумается так же растоптать Даню или Лизу? Неужели найдётся человек, который будет спокойно наблюдать за этим и промолчит?

Я не выдерживаю и иду к нему в кабинет.

— Как вы можете так с людьми?

Матвей поднимает на меня предостерегающий взгляд.

— Тебя это не касается.

— Касается! Я тоже человек, и у меня тоже дети! А вы…

— А я тебя купил. Ты моя вещь, которой я просто пользуюсь, – чеканит он, вставая из-за стола и направляясь ко мне.

Во рту пересыхает.

— Расстегни блузку, – велит он тихо, останавливаясь в шаге от меня.

— Нет, – отвечаю я со слезами на глазах.

— Ты сама мне себя предложила, Катя, – Матвей кривится в усмешке. — Или ты передумала играть в благородство и спасать мужа? Гордость важнее чужой жизни, да?

Его слова бьют в самое больное. Мокрые дорожки обжигают щеки, а руки трясутся, когда я расстегиваю мелкие пуговицы.

Последняя пуговица поддаётся, и блузка расходится на груди. Я стою перед ним, глотаю слёзы и смотрю в пол. Жду, что сейчас он толкнёт меня к столу и ...

Матвей подходит вплотную и большим пальцем ведёт вниз по шее, до самого края кружева. Кожа там, где он касается, горит так, будто по ней провели раскалённой желе-

зякой. Соски моментально превращаются в камешки и вызывающе торчат сквозь тонкое кружево. Я перестаю дышать и ненавижу себя за то, что реагирую ТАК.

Он отводит мои волосы назад, открывая шею, и касается губами ямки под ухом, едва-едва, одним дыханием. Потом ниже, туда, где под кожей бешено колотится пульс. В низу живота становится жарко, и я уже не понимаю, хочу оттолкнуть его или притянуть ближе. Его рука ложится мне на поясницу и прижимает к себе. Я чувствую его всего, твёрдого и горячего, и из горла вырывается звук, которого я от себя никогда не слышала.

Он отстраняется так резко, что я едва не падаю.

— Можешь идти, сегодня ты мне не нужна.

Он возвращается к столу и берёт бумаги, будто меня здесь нет. А я стою посреди кабинета с горящей кожей и дрожащими коленями и не могу понять, от чего мне сейчас больнее. От того, что он меня унизил, или от того, что остановился.

Глава 7

Дни до пятницы тянутся, как резиновые. Выходить одной мне всё так же не разрешают. Но Сергей один раз прошёлся за мной по скверу недалеко от клиники, куда отвозил на приём к гинекологу.

Стараюсь не думать о том, как унизительно это было, а найти плюс: наконец я попала к доктору, я ведь давно собиралась, но то времени не было, то денег. А сегодня у меня и анализы взяли, и осмотрели, и таблетки противозачаточные выписали.

Я так понимаю, хозяин решил использовать свою игрушку без средств защиты. От этих мыслей становится тошно. Нет, Матвей не делает со мной каких-то извращенных штучек, не калечит и не заставляет выть от боли, но сам факт, что меня трахает чужой мужчина – противен.

Но ещё противнее то, что творится со мной по ночам. Вчера мы занимались этим перед зеркалом. Я пыталась не смотреть, но он сжал мой подбородок и развернул обратно.

— Смотри, как тебе нравится то, что я с тобой делаю, — шепнул он мне в шею. — Перестань врать себе…

Я смотрела на его ладонь у себя на животе, которая опускалась всё ниже, и на свои приоткрытые губы. Женщина в зеркале откидывала голову ему на плечо и сама подавалась навстречу его пальцам, бесстыдно и жадно. Я не узнавала её

и ненавидела.

В пятницу Виталика госпитализируют. Клиника присылает за ним машину с персоналом. Свекровь присылает сообщение об этом и спрашивает, буду ли я на операции.

— Я постараюсь, – обещаю я.

— Постарается она! Чем ты там занята на своей работе? – возмущается она и бросает трубку.

Всю ночь накануне операции я не сплю. Матвей не приезжает уже два дня, и я этому рада.

Утром решаюсь и прошу Сергея передать хозяину, что мне нужно в клинику. Через час он возвращается с ответом.

— Матвей Александрович разрешил. У вас час.

— Час? Мой муж после операции будет, а мне всего час? – не верю я.

— Я вас отвезу и подожду в коридоре, — Сергей смотрит куда-то поверх моей головы. — Собирайтесь.

Открываю шкаф и долго не могу ничего выбрать. Даже самое простое платье выглядит неприлично дорого. В итоге надеваю джинсы и светлый свитер, но и они сидят так, что сразу видно: не с рынка. Пытаюсь растрепать причёску, чтобы она не выглядела такой ухоженной, но парикмахер поработала на совесть – даже без укладки мои волосы блестят и красиво обрамляют лицо.

Чёрт!

В машине я всю дорогу верчу в руках телефон. Свекровь вчера написала, что детей оставила соседке тёте Зине, а сама

приехала в Москву к сыну. Ещё она написала, что жена, которая не может ждать мужа под дверью операционной, хуже чужой.

Операция прошла утром. Хирург встречает меня в коридоре и коротко рассказывает, что всё прошло хорошо, опухоль удалили полностью. Через пару недель Виталик начнёт заново учиться ходить.

— Он будет ходить? — переспрашиваю я, боясь поверить. — Правда?

— Будет, — хирург впервые улыбается. — Восстановление долгое, но прогноз хороший.

Я благодарю его так горячо, что он смущается и поскорее уходит.

У палаты на банкетке сидит свекровь. Увидев меня, она поднимается и оглядывает меня с ног до головы.

— Ишь ты, — тянет она. — Вырядилась! Причёску сделала, ногти накрасила. На какие такие шиши? И главное – когда? Ты ж мне рассказываешь, что день и ночь на работе! Даже к детям не приехала за это время ни разу!

— Мне аванс дали, Валентина Петровна.

— Аванс у неё! Это что за работа такая, что аванс по два раза в месяц дают?

Свекровь переводит взгляд мне за спину, где у окна стоит Сергей.

— А это кто с тобой?

— Водитель.

— Водитель, значит, — она поджимает губы. — Помощнице руководителя водителя дают. Ну-ну.

Я захожу в палату, пока она не успела сказать ещё что-нибудь.

Виталик лежит под капельницей, бледный, с синяками под глазами. Я так боялась за него все эти дни, что теперь у меня дрожат губы.

— Виталь, — сажусь рядом и беру его за руку. — Врач сказал, всё хорошо. Ты скоро встанешь.

Он кивает, не глядя на меня. В другой руке у него золотистый телефон, и он смотрит в экран.

— Как ты себя чувствуешь? Тебе ничего не нужно? Может, попить? – беспокоюсь я.

— Нормально всё.

Телефон тихонько вибрирует. Виталик читает сообщение, и на его лице появляется улыбка. Он поворачивает экран к стене и быстро что-то печатает.

— Кто там?

— Мужики с работы. Поддерживают. Не то что жена.

Опять чувствую вину. Глажу его по руке, по исколотым венам, и вспоминаю, как он когда-то носил меня на руках через лужи у загса.

— А я смотрю, ты тут неплохо устроилась, — муж отрывается от телефона, и в глазах у него холодное презрение. — Наряды, причёска. Лучше всех на моей болезни нажилась, да, Кать? Сколько себе из благотворительных денег припря-

тала,а?

— Виталь, что ты такое говоришь? Я же ради тебя…

— Ради меня, — передразнивает он и снова утыкается в телефон. – Не заливай.

— Виталь, самое главное, что ты сможешь ходить…– начинаю я, но муж обрывает.

— Ты знаешь, сколько реабилитация стоит? На операцию ты нашла деньги, а на восстановление? На уколы только хренову тучу денег надо. А реабилитолог, физиотрепаевт! Ты подумала вообще, за какой хрен мы это себе позволим?! – Виталик злится, его голос еще слабый и хрипит, но на лбу вздувается вена и лицо его краснеет. – Лучше бы подыхать оставила… Все равно без терапии буду калекой!

От неожиданности я даже не знаю, что сказать. Я думала, что он будет рад, уже не говорю про благодарность – она мне не нужна. Но теперь выходит, он злится, что я мало сделала?

В дверь стучат.

— Время, — сухо сообщает Сергей. И как ни покажется это странным, я испытываю облегчение от того, что мне нужно уйти.

Я наклоняюсь и целую Виталика в лоб. Он морщится и отворачивается.

В коридоре свекровь провожает меня тяжёлым взглядом.

— Иди-иди, работница. Мужа после операции на час навестила, и то спасибо.

Я выхожу на улицу и только в машине даю волю слезам.

Сергей молча протягивает мне пачку бумажных платков и смотрит на дорогу.

— Спасибо, — всхлипываю я. — Вы добрый.

— Я ничего не сделал, Екатерина Андреевна, — он не отрывает глаз от дороги.

Телефон звонит, когда мы стоим в пробке на Садовом. На экране фотография Лизы.

— Мамочка! — кричит она так громко, что я отодвигаю трубку от уха. — Мамочка, ты помнишь, что в субботу у меня день рождения? Мне девять лет будет!

— Помню, солнышко. Конечно, помню.

— Ты же приедешь? — голос у неё вдруг становится тоненьким и дрожащим. — Мамочка, ты обещала, что скоро вернёшься. Ты приедешь ко мне на день рождения?..

Глава 8

Матвей

Открываю папку и читаю, откидываясь на спинку кресла. Синицына Екатерина Андреевна, по мужу Смолина. Тридцать два года. Воспитанница детского дома в Торжке. В восемнадцать вышла замуж за Смолина Виталия Сергеевича. Двое детей, сын тринадцати лет и дочь, которой в на днях исполнится девять.

Днём работает бухгалтером в управляющей компании. По вечерам моет подъезды, по ночам ведёт учёт двум индивидуальным предпринимателям. Кредитов нет, долгов нет. Для женщины, которая два года тянет лежачего мужа, это редкость.

Подруг нет. Соседи характеризуют как тихую и безотказную. За спиной называют дурочкой.

Муж – Смолин Виталий Сергеевич. Тридцать шесть лет. До болезни работал менеджером в автосалоне. Последние три года состоит в связи с Кравец Жанной Олеговной, хозяйкой салона красоты на соседней улице. Связь не скрывает. Осведомлены соседи, бывшие коллеги и мать. Месяц назад мать оформила на себя рассрочку и купила сыну дорогой смартфон последней модели.

Швыряю папку на стол.

И ради этого жалкого подонка она продала себя!

Катя - Катя… А я ведь не сразу узнал тебя…

От мыслей отрывает звонок Самсонова.

— Есть инфа по Рябову. За последний месяц он дважды встречался с людьми Ковальчука.

— О чём говорили?

— Работаю, – рапортует он, и я сбрасываю звонок.

Рябов ворует по мелочи, это я знаю. А вот если он побежал к Ковальчуку, значит, ставки выросли.

Через полчаса звонит Тамара Ильинична Белкина, главный бухгалтер фонда. Десять лет работает со мной и ни разу не звонила без дела.

— Матвей Александрович, мне нужно с вами встретиться. Лично, – в её голосе озабоченность.

— Жду вас утром у себя в городской квартире.

Вечером у меня ужин в закрытом клубе. Люди, с которыми я веду дела, не привыкли видеть меня одного. Но меня бесят все мои обычные спутницы, и сегодня я отдаю распоряжение через помощника, чтобы Катя была готова к выходу.

Она выходит в тёмно-синем платье, которое выбрала Алла. Каблуки высокие, и идёт она осторожно, будто по льду. Смотрит в пол.

В машине она сидит на самом краю сиденья и молчит всю дорогу. Пальцы сцеплены в замок на коленях.

В клубе Ковальчук поднимается навстречу, жмёт мне руку и задерживает взгляд на ней.

— Новая игрушка, Матвей? Познакомишь?

— Нет, – отрезаю холодно.

Он хмыкает, а улучив момент, наклоняется к ней через стол.

— Как тебя зовут, красавица? – он чуть слюной не капает.

Она поднимает на меня испуганные глаза.

— Её никак не зовут, — отвечаю я за неё. — Я просто ее трахаю.

Кожей чувствую невидимые иголки, которыми ощетинилась Катя. Готов поспорить, что если бы она могла убить силой мысли, я был бы уже трупом.

Ковальчук сально улыбается и больше на неё не смотрит.

Она сидит рядом с прямой спиной. К вину не притрагивается, на вопросы отвечает односложно. Под столом у неё мелко дрожат руки, и она прячет их в складках платья.

Из клуба мы выходим в первом часу ночи. Водитель останавливается у подъезда. Она выходит первой, каблук подворачивается на мокрой плитке, и я ловлю её за талию.

— Не надо, — шипит она, не поднимая глаз. – Сначала изваляли в грязи, а теперь делает вид, что вам не всё равно!

— Что тебе не понравилось? – холодно уточняю я. — Я назвал вещи своими именами.

Она молчит, лишь тяжело дышит и пытается удержать слёзы, закусывая нижнюю губу.

Мне её не жаль. Она знала, на что шла. Мы заключили сделку, и я выполнил свою часть договорённости.

Очерчиваю пальцем её подбородок, заставляя поднять лицо.

Она сейчас очень красивая. И эта её припухшая и покрасневшая от кусания губка… Я хочу, чтобы её губы опухли от моего члена…

В лифте она стоит в углу, отвернувшись к зеркалу, и молчит. В прихожей скидывает туфли, проходит мимо меня и вдруг разворачивается. Пощёчина обжигает щёку.

Я перехватываю её запястья и прижимаю к стене над головой. Она дышит часто, грудь ходит ходуном под тонким платьем, глаза блестят от бешенства. Ждёт, что ударю в ответ.

А у меня как пелена на глазах. И бешеная похоть охватывает. Непокорность Кати злит и в то же время ужасно заводит.

Я наклоняюсь и веду губами по её шее, от уха вниз, туда, где колотится пульс. Она дёргается и шипит сквозь зубы, что ненавидит меня, а сама в ту же секунду выгибается и прижимается ко мне всем телом.

— Ненавидь, — разрешаю я ей в самые губы. — Только громче.

Ночью я не позволяю Кате спать. Результаты анализов подтвердили, что она ничем не болеет, а значит, можно не пользоваться резинкой.

Обессилевшая Катя вырубается незадолго до рассвета. Выйдя из душа, я пару минут разглядываю её лицо. Она даже во сне не может расслабиться. Эта складка между бровей

меня бесит.

Как можно быть такой дурой, чтобы тащить на себе и урода-мужа, и его жадную мамашу?

Завтракаю и жду Белкину, но она не приходит. Я набираю её номер: абонент недоступен.

Твою мать!

Глава 9

Три дня я собираюсь с духом. Каждый вечер жду, когда он приедет, и каждый раз не решаюсь. В пятницу он приезжает позже обычного, мрачный, и сразу проходит в кабинет. Я стою у двери и слышу, как Матвей Александрович с кем-то резко разговаривает по телефону. Потом становится тихо, и я стучу.

— Можно?

Он сидит за столом, перед ним раскрытая папка. Поднимает на меня глаза и молчит.

— Завтра у моей дочки день рождения. Ей девять лет исполняется, — я сжимаю пальцы так, что ногти впиваются в ладони. — Отпустите меня на один день. Я вернусь вечером, честное слово.

— Нет.

— Почему? – я всё же надеялась, что мой хозяин не конченный ублюдок. Слишком хорошо я о нём думала…

— Потому что я так сказал.

Матвей снова опускает глаза в бумаги, будто меня здесь уже нет. И тут во мне словно лопается туго натянутая струна.

— Я не ваша вещь! — сама пугаюсь своего голоса, но остановиться уже не могу. — Слышите? Я не ваша вещь! Вы купили моё тело, но мою жизнь и волю вы не покупали! Лиза ждёт меня, я ей обещала!

Он медленно поднимается из-за стола. Я вжимаюсь спиной в дверной косяк, но взгляд не отвожу.

— Нет, Катя, ты моя вещь, — спокойно напоминает он. — Я тебя купил. Причём ты сама себя предложила.

— Я не это предложила. Я хотела спасти мужа…Вы не оставили мне выбора… – осекаюсь под его гневным взглядом. Его глаза едва молнии не метают. Ноздри раздуваются, он взбешён. Не привык, что ему перечат? Или здесь что-то другое?

— У тебя был выбор, Катя. Ты могла дать мне пощёчину, уйти с неуязвлённой гордостью, найти другой Фонд или частного благотворителя. Ты могла много чего сделать, но решила согласиться на моё непристойное предложение, – он кривится в ухмылке на последних словах. А мне едва удаётся сдержаться, чтобы не хлестануть его по морде.

— Это не так… – цежу я сквозь зубы.

— Не обманывай себя, Катя, – он снова ухмыляется. — Я прав, и ты знаешь это.

Я всё же не выдерживаю и замахиваюсь для пощёчины, но Матвей перехватывает моё запястье и резко дёргает на себя так, что я оказываюсь вплотную прижата к нему.

— Ненавижу тебя! – выплёвываю я ему в лицо. — Бездушный сухарь! Жестокая сволочь без сердца!

— Мне насрать на то, что ты думаешь обо мне. Мы заключили сделку. Иди в спальню и жди, пока я освобожусь.

Понимаю, что разговаривать с ним всё равно, что со сте-

ной. Выкручиваю руку и освобождаюсь из его хватки.

Чёртов ублюдок!

Убегаю в спальню и даю волю слезам.

Он ведь прав. Я могла придумать что-то другое, но согласилась на его условия.

Да, Виталик спасён, но я… Я себя ненавижу.

Особенно за то, что в постели с ним мне уже не приходится терпеть.

Память услужливо подбрасывает события вчерашнего вечера. Когда Матвей пришёл, я уже лежала в постели и притворялась спящей, но он откинул одеяло и лёг рядом, не раздеваясь. Провёл костяшками пальцев по моей ключице и вниз, до самой кромки белья, и там остановился.

— Попроси, – тихо приказал он.

Я молчала, закусив губу. Его рука лежала на мне, тяжёлая и горячая, и не двигалась дальше ни на миллиметр. Минута тянулась бесконечно, внизу живота всё ныло и горело, и я сама не заметила, как подалась бёдрами ему навстречу.

— Словами, Катя, – хрипло выдохнул он.

— Пожалуйста… — всхлипнула я, ненавидя себя за этот жалкий шёпот.

Он усмехнулся мне в висок, стянул брюки и вошёл в меня сильным толчком. А я кусала подушку, чтобы не кричать на весь этаж.

Трясу головой, чтобы скинуть наваждение.

Матвей так и не приходит. У меня как раз хватает времени

подумать.

Я живу здесь почти три недели и давно заметила одну вещь. Охрана меняется в шесть утра. Сергей уходит, а сменщик поднимается на лифте минуты через три-четыре. Всё это время на этаже никого нет. Бухгалтеру положено замечать, где не сходится, вот я и заметила.

В пять сорок я уже одета. Джинсы, свитер, старая куртка, в которой я сюда приехала. Телефон выключаю и оставляю на тумбочке. Стою у двери, прижавшись к ней ухом, и слушаю. В шесть ноль одну за дверью звякает лифт и затихают шаги.

Я выскальзываю на площадку и бегу вниз по лестнице. Десять этажей кажутся мне бесконечными, сердце колотится где-то в горле. Во дворе мужчина выгуливает овчарку, и я выхожу через калитку следом за ним, стараясь не смотреть на будку охранника.

Только в метро я перевожу дыхание.

На Ленинградском вокзале покупаю билет до Твери за наличку. В электричке забиваюсь в угол у окна и всю дорогу думаю, что он со мной сделает, когда узнает. Мне страшно до тошноты. Но перед глазами расстроенная мордашка дочки, и я не позволю, чтобы в свой день рождения она плакала.

В Твери пересаживаюсь на автобус. На привокзальной площади покупаю в ларьке куклу с длинными волосами, о которой Лиза мечтает с Нового года, и торт. Денег остаётся ровно на обратную дорогу.

Когда я звоню в дверь, мне открывает Лиза. Секунду она

смотрит на меня круглыми глазами, а потом визжит на весь подъезд и кидается мне на шею.

— Мамочка приехала! Даня! Бабушка! Мама приехала!

Даня выходит из комнаты и тоже обнимает меня, крепко, по-взрослому. Я стою в прихожей и не могу их отпустить. Ради этого я бы сбежала ещё сто раз.

Свекровь выглядывает из кухни.

— Явилась, — бурчит она. — Я уже свой торт испекла, а ты ещё один притащила. Да ещё и покупной! Там же химия одна! Деньги девать некуда?

Но торт всё-таки забирает. Виталик ещё в клинике, и в квартире непривычно тихо без его тяжёлого молчания из спальни.

День пролетает как одна минута. Приходят подружки Лизы, мы надуваем шарики, играем в фанты. Дочка не отходит от меня ни на шаг и всё время держит за руку, будто боится, что я исчезну. Новую куклу она уже успела назвать Катей, в честь меня.

— Загадывай желание, — шепчу я, когда она наклоняется над свечками.

Лиза зажмуривается, долго шевелит губами и задувает все девять свечей разом.

— Что загадала?

— Нельзя говорить, а то не сбудется, — она хитро улыбается и прижимается ко мне. — Но там про тебя.

Вечером, когда девочки расходятся, мы садимся пить чай.

Телефон свекрови пищит. Она смотрит на экран, и лицо у неё меняется прямо на глазах. Тут же раздаётся видеозвонок. На экране Виталик, красный от злости.

— Мать, ты видела, что мне прислали?! Видела?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.